

Юджин
Блест

Планетарий

Юмористическая
повесть

Юджин Блест

Планетарий

«Издательские решения»

Блест Ю.

Планетарий / Ю. Блест — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962240-2

Юмористическая повесть, впрочем, как всегда у Юджина Блеста. Бесспорно, настоящая, живая классика от популярнейшего в узких кругах автора современности! Искущённому читателю доставит невероятное наслаждение :) Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962240-2

© Блест Ю.
© Издательские решения

Содержание

Планетарий	6
Общая диспозиция	7
Торговля	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Планетарий

Юджин Блест

© Юджин Блест, 2019

ISBN 978-5-4496-2240-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Планетарий

+18. Мат в случае острой необходимости. Друзья, сосредоточьтесь! Если Вы религиозны, перед тем как ознакомиться с текстом Вам необходимо испросить разрешения у Вашего духовного наставника!

Общая диспозиция

— Классный пиджачок, не подскажите, где бы и мне разжиться таким же вот пиджачком?

Перед Наумом Дупло (Дупло — это фамилия Наума Митрича, крестьянина одной из деревушек Дикого Поля, а говоря вообще, не совсем верно судить что фамилия выводится естественным образом из клички или прозвища, и затем переходит к потомкам, на самом деле, когда раздавали фамилии крестьянам, феодалы руководствовались исключительно своими собственными представлениями о прекрасном.

Например барин, любитель ружейной или псовой охоты давал, и давал вероятно совершенно неосознанно, своим подданным фамилии вроде Уткин, Зайцев, Глухарёв, или Лисицын, а дворянин предпочитавший проводить часы досуга на рыбной ловле, естественным образом нарекал подопечных Окуневыми, Карасёвыми, Карповыми, Севрюгинными, etc.

Если же барин был грамотным, и склонялся к учёной латыни, то случались и трудные для понимания формулировки, как например известный казус с фамилией Велосипедов, известной ещё с времён баснословных, когда не только велосипедов, но и простейших самокатов не было ещё и в помине.

На самом же деле помещик, желая как-бы облагородить и благозвучить ряды своих вассалов, сплошь состоявших из Вислоуховых, Жучкиных, Умкиных и Оборзевичей, переименовывал Стрелкина сначала в Быстроногова, а затем, неудовлетворённый результатом, в Велосипедова, но по ходу повествования мы ещё вернёмся к этому кругу вопросов, речь сейчас идёт вовсе не об этом...

Что же касается самой фамилии «Дупло» нам остаётся только теряться в догадках относительно её происхождения, следует лишь заметить, что наши с вами современники, как только заботы о пропитании и убежище над головой отошли на задний план, стали вкладывать в эту фамилию, и эта тема очень болезненна и тревожна для и по сей день продолжающих свой род потомков Наума, фамилия эта приобрела несколько двусмысленное, и, в зависимости от личностных качеств наследников, временами сексуальное, а местами даже и гомо-сексуальное значение, впрочем, это касается только или подросткового периода, или влияния паров алкоголя, но, тем не менее, фамилия эта и по сей день служит поводом для пошлых и неумных подшучиваний в пубертатной среде старшеклассников и студентов).

— Классный пиджачок, не подскажите, где-бы и мне разжиться таким вот пиджачком?

Перед Наумом стоял средних лет худощавый человечек, (Аркаша или Аркадий Магидсон, если интересны подробности, для экономии трафика не будем на этот раз анализировать происхождение фамилии) одетый самым наипростейшим, и даже несколько аскетичным образом, в крестьянскую, длинную почти до колен рубаху, перепоясанную плетёной тесёмкой, потёртые, плотного денима штаны, окрашенные самым дешёвым красителем, в растоптанных домашних тапочках, что было несколько необычно, ведь далеко не во всех культурах существует специальная обувь предназначенная для ношения исключительно в домашних условиях, обувь которую не принято носить вне дома, впрочем за некоторыми исключениями — тапочки ещё обязывают надевать при посещении музеев, художественных галерей, медицинских учреждений и цехов где предпринимаются, по примеру кремниевой долины, отчаянные, но неудачные попытки самостоятельно создать высокоточное оборудование.

На самом же Науме красовался парадный, праздничный сюртук, перешедший ему по наследству от евойного ещё дедушки, дедушка же сшил его по случаю своей серебряной свадьбы и успел надеть его всего несколько раз так как вскорости попал в этом пиджаке под грозу и умер от удара молнии.

После починки дырка от удара молнии была совершенно не видна, и кроме того, по случаю поездки Наума в столицу, сюртук был дополнительно прострочен по краям, и даже укра-

шен неким подобием аксельбанта, при активном участии многочисленных тётушек и кумушек Наума, и сопровождался, как это всегда водится у простонародья, многочисленными криками, плачем, спорами сопровождаемыми взаимными угрозами, оскорблениями и угрожающими замахииваниями предметами домашнего обихода, но результат действительно впечатлял, и Наум отметил для себя, что надо-бы не забыть рассказать у себя в деревеньке, как незнакомый человек из столицы позавидовал его пиджачку и захотел приобрести для себя такой же.

Но Наум не был окончательно и бесповоротно глуп, как можно было рассудить по его внешнему облику, червь сомнения всё-таки немного точил его изнутри, а также приобретённая за долгие годы жизни в Диком Поле крестьянская подозрительность не позволила ему смягчиться окончательно, он продолжал оставаться настороже, (ударение на последнем слове — «насторожЕ») и он, в свою очередь оглядел стоящего перед ним незнакомца.

Старинная, но живая до сих пор традиция, когда аристократы стремятся одеться как можно проще, а простолюдины из последних сил тшятся украсить себя излишествами была явлена в этом противостоянии во всей своей доведённой до схематической условности наготе.

Да, на Аркаше была одета простая крестьянская рубаха, и Наум не обнаружил ничего вызывающего подозрений, но искушённый наблюдатель сразу бы отметил, что Аркаша также далёк от упражнений с лопатой и тяпкой, как Наум в своём доморощенном сюртуке от дефилирования по фойе театра или вальяжного присутствия на великосветском фуршете.

И если бы искушённый наблюдатель был бы не только искушённым, но вдобавок ещё и склонным к далеко идущим философским обобщениям, он наверно предположил бы, что затраты нервной энергии потраченной на простое одяние Аркашки, были неизмеримо большими, чем у тётушек и кумушек Наума, пусть эта нервная энергия не расходовалась на крики, слёзы и порывы к мордобитиям, а выливалась в иные формы, например просмотры журналов мод, наблюдения за безупречными образцами и иконами стиля, долгие хождения по магазинам, верчения перед тройными зеркалами...

...И ткань вроде бы и крестьянская, но плотнее и дороже и качественней, и покрой точно по фигуре, и потёртости не возникшие случайно, во время разгрузки воза с дровами или гавном навоза, а тщательно продуманные, и нитка оборвана как-бы с напускной небрежностью, но с точностью выверенной почти до миллиметра...

Наблюдатель философского склада мог бы и дальше длить и развивать свои далеко идущие умозаключения, если б не проклятые тапочки.

Один мимолётный взгляд вниз, на ужасные, пыльные и стоптанные тапочки ядовито-красного цвета, в одно мгновение разрушали стройную гармонию умозаключений и повергали её в смятение и хаос.

Надо сказать, что планы на сегодняшний день, даже на ближайšie несколько часов, стоящие перед пришедшими к стенам (ударение на последний слог — «стенАм») стенАм планетария Наумом и Аркадием, их мысли, желания и помыслы отличались друг от друга много больше чем их одяния, отличались во всём, и по оси икс, и по оси игрек и даже по оси зет, наибольшее внимание следует уделить разумеется именно Аркадию, а что Наум?

Наум просто привёз овёс.

– Воз овса, телегу запряжённую трудягой-лошадкой.

Привёз вместе со своим кумом Ерофеичем, таким же мудаком как и сам Наум.

Обуреваемые жаждой наживы, они с Ерофеичем привезли в столицу воз овса, овёс — это такой корм для лошадей и коров, насыпанный тяжёлые в мешки, на окраине они спросили дорогу на рынок, и смышлённые не по годам ребяташки псевдоевреев из озорства указали им на дорогу ведущую к планетарию.

Теперь Наум с Ерофеичем стояли посреди галдящей и суетливой толпы, окружающей планетарий, всеми силами бодрясь и сдерживая охватывающую их панику и отчаянье.

Аркаша, надо отдать ему должное, сразу же оценил ситуацию.

Душевная драма раздирающая Наума с Ерофеичем, и старательно скрываемая ими от посторонних глаз была мгновенно прочитана Аркашкой:

– Что за беда, мил-человек?

– Что за беда стряслась?

Позвольте теперь автор немного отвлечётся от хода повествования, чтобы дать небольшой но очень ценный совет.

Если вы вдруг, случайно услышите обращённое к вам выражение «мил-человек», в любом сочетании, а особенно в сочетании с «что за беда» немедленно вставайте и уходите!

Уходите не раздумывая!

Уходите не говоря ни слова!

Посмотрите на запястье, где должны находиться часы, как бы вспомнив о неотложном деле, и торопливыми шагами немедленно покиньте помещение.

– Человек который говорит вам: «Что за беда, мил-человек?» — прошёл огни и воды.

Вполне вероятно, что он действительно искренне хочет вам помочь, но соль в том что вы всё равно должны немедленно встать и молча покинуть помещение.

Если вы не можете покинуть помещение, например потому что едите в поезде, возьмите свой чемодан, перейдите в другой вагон, и стойте в тамбуре, до ближайшей остановки. Если вы увидите что человек спросивший вас «Что за беда, мил-человек?» появился в проходе и движется по направлению к вам, немедленно дёргайте стоп кран и прыгайте.

Если вы летите в самолёте, то попробуйте вначале укрыться в туалете, а затем, в случае неудачи, начинайте имитировать эпилептический припадок, но не в коем случае не вступайте в разговор, не говорите ни слова, иначе ситуация может обернуться для вас самым непредсказуемым образом.

Если же вы отнеслись к этому сообщению скептически, и ошибочно считаете, что во первых вы находитесь в абсолютной безопасности, например рядом с вами, в непосредственной близости стоят несколько вооружённых до зубов стражей правопорядка, и сами вы не в коем случае не дадите себя обмануть, вы ошибаетесь, дело здесь вовсе не в этом.

Это такая форма гипноза или даже магии, после нескольких тайных манипуляций вы окажетесь беззащитным как будто бы кролик перед пастью удава.

С непредсказуемыми для вас последствиями.

Поэтому немедленно вставайте и уходите.

Что вы при этом теряете?

Вы теряете несколько граммов житейского опыта, ничего более.

Возможно вы теряете несколько забавных интересных и историй, но восполнить этот пробел можно читая книги определённой тематики, это вполне безопасно.

...Как в штрафном изоляторе, на крытой, несколько месяцев пришлось простоять по горло в ледяной воде, а потеплело только после того как прорвало канализацию, или как на лесоповале, десять сотоварищей прыгали на один конец положенной на бревно доски, и тогда рассказчик, стоя на втором конце, взлетал с топором в руке на самую верхушку сосны, и должен был, пока товарищи её пилят, успеть обрубить все сучки, до самого низа...

...Да много интересных и поучительных историй можно услышать, но разумнее и лучше не делать этого.

Аркаша же, если судить и по возрасту, и по интеллигентным и вежливым манерам поведения, не принадлежал к группе граждан прошедших огни и воды, вероятно просто нахватался где-то, или, что вероятней всего, выступил однажды в качестве потерпевшего, и попутно перенял несколько фраз, жестов, и приёмов поведения.

Возможно вы всё-же решите, что человек обратившийся к вам с вопросом «Что за беда, мил-человек?» так-же как Аркаша, просто нахватался верхов, просто малолетний позёр, и решите, вопреки изложенному выше предостережению, переброситься с ним несколькими

ничего не значащими фразами, поверьте, это не облегчит ваше положение, а только лишь усугубит его.

Наум же, незнакомый с этими изложенными выше рекомендациями, охотно отвечал, но отвечал сбивчивыми и сумбурными идиоматическими выражениями.

То есть оборотами речи, значение которых не определяется значением входящих в него слов, и если быть полностью беспристрастным и положиться на машинный разум, на простейший скрипт анализирующий поисковые запросы и подбирающий на основании этих запросов рекламные объявления, то скрипт этот, проанализировав фразы Наума, немедленно предложил бы ему приобрести средство для повышения потенции, надувную резиновую бабу и силиконовый половой орган выбрав из всей линейки моделей образцы максимально возможных размеров.

Аркадий же, не вникая в умозаключения Наума, а просто оглядевшись по сторонам сразу же оценил стоящий перед Наумом круг проблем и сказал:

– Ну что-ж, мил человек!

– С'час подумаем, как твоей беде помочь!

– Как говорится, одна голова хорошо, а полторы — лучше!

Если же опять на минутку отвлечься от основной темы, чтобы углубиться в ненаучное и по домашнему любительское сравнительное культуроведение, как это уже было, когда речь зашла о таком казалось бы обыкновенном предмете обихода как тапочки, а сделать это нужно, наверно нужно вкратце проанализировать фразу «С'час подумаем, как твоей беде помочь!».

– Она ведь не так проста как может показаться на первый взгляд.

В традиции уводящей к эллинам, в европейской традиции, это просто ничего не значащая фраза, форма вежливости.

У персов же, издревле враждовавших с эллинами, в традиции азиатской, это предложение помощи, в случае его принятия оно означает приобретение нового врага в вечной азиатской войне всех против всех.

Да вначале новый враг будет выступать в качестве временного союзника, но уличив (ударение на последнем слоге — уличИв) уличив момент, он покажет своё истинное лицо.

Так ребёнок, воспитанный в традиции идущей от эллинов, случайно начав читать азиатскую сказку, например сказку о Ходже Насреддине, вдруг с удивлением обнаруживает, что сюжет повествования странным образом уходит в сторону от привычной и банальной канвы, где добро примитивно побеждает зло, где супергерой, наделённый сверхъестественными способностями, поражает злодеев и восстанавливает справедливость.

Теперь главный герой, спешащий на помощь попавшему в затруднительную ситуацию вовсе не доброму и наивному персонажу европейской традиции, моральные качества здесь не имеют никакого значения, о них ничего не сообщается, главный герой понимает свою миссию несколько иначе, и финальная сцена, хеппи-энд, счастливый конец, выглядит несколько необычно, и даже, на взгляд просвещённого европейца, несколько диковато и даже шокирующе-парадоксально.

В нём можно даже разглядеть посыпанный восточными пряностями варварски-людоедский юмор, ведь в финале сказки, персонаж, наивно доверившийся своему герою-спасителю вовсе не торжествует победу, напротив, он, обобранный до последней нитки в отчаянье рвёт на себе волосы, проклиная тот день и час когда он поведал о своей мелкой и легко разрешимой собственными силами проблемке неожиданно выскочившему ему навстречу сказочному герою.

Если же простереться мысленным взором ещё дальше к востоку, то там, на востоке, отказываются уже не только об эмоциональных оценок, каких-либо суждений о добре и зле, отказываются в пользу голой хитроумной интриги, но и от плетения сложного логического узора интриги отказываются тоже, переводя и его в разряд сущностей бесполезных и иллюзорных.

Там предлагается, путём многолетних медитаций и ограничений в удовольствиях, таким образом сбалансировать свой гормональный баланс, чтоб впасть в состояние трансперсональное, различать эмоции облаков цветов и деревьев, и взглянуть на собственные беды и горести с улыбкой безразличия и общей вселенской скорби.

Таким образом, предложение помощи, выраженное Аркашкой, не следует рассматривать ни как пустую и ни к чему не обязывающую форму вежливости, ни как предложение выступить в качестве напарника и компаньона, ни как предложение себя в роли наставника и учителя.

Ближе всего к описываемой ситуации подходит азиатское понимание фразы, но с небольшой поправкой, эта поправка не предполагающей какого бы то ни было дальнейшего развития событий.

Поэтому вернее всего будет истолковать реплику как предложение в самом ближайшем времени, как только представится такая возможность, приступить к совместному распитию алкогольных напитков, с сопутствующим процессу обменом крайне эмоциональными и уничтожительными мнениями по поводу творящихся вокруг ужасов и безобразий.

Эту поправку хорошо передают пословицы, например азиатская поговорка «Собака лает — караван идёт» в варианте Дикого Поля совершенно лишена практического смысла, практический смысл заменён на чистейшего разлива кристальную поэзию, трудно постижимую современным племенем менеджеров и дистрибьюторов, логистов, кураторов, культуртрегеров и коучеров — «Собака лает — ветер носит», то есть караван уже никуда не идёт, никакого каравана нет, следует согласиться что это действительно труднопостижимо, особенно если ваша специальность — логистика или культуртрегерство, и вылезти наконец из этих лингвистических дебрей.

— Ну что ж, для начала, друзья, — обратился Аркадий к Науму с кумом — давайте поставим лошадку вон туда, к стенке, а то она своей жопой перегородила нам половину прохода.

— К планетарию? — радостно переспросил ободрённый нежданной поддержкой Наум порываясь уже бежать к лошадке, но тут рассудительный и тугоумный кум спросил Аркадия неторопливым и прокуренным басом:

— Так ты что, собираешься продавать овёс столичной интеллигенции?

Выражение о столичной интеллигенции прозвучало из уст кума на удивление свободно и естественно, как будто бы речь шла об окучивании очередной грядки с огурцами, было только непонятно — откуда он нахватался эдаких вот слов, но глаза кума светились таким простодушием и такой безбрежной пустопорожностью, таким отсутствием хоть какого-нибудь образования, что можно было сделать вывод, что сказал он это подстрекаемый исключительно жаждой наживы, готовый ради утоления этой самой жажды на очень и очень многое, и в том числе разумеется на такой пустяк как продажа овса, кстати, очень хорошего, первосортного овса, столичной интеллигенции.

— Так ты ж не гавно привёз, а, Наум? — спросил Аркашка Наума, только что услышавший от кума имя своего нового знакомого.

— Ты что нам привёз?

— Овёс! — отвечал Наум.

— Правильно, овёс! — наставительно-учительским тоном провозгласил Аркадий.

— Поэтому и продавать мы будем овёс!

— Не гавно а овёс!!

После чего Наум с кумом, оставив все сомнения, занялись устройством лошадки с телегой в непосредственной близости от стены планетария, попутно устроив бессмысленный и бесплодный диспут относительно точного расположения головы лошадки, которая по мнению Наума должна была находиться в тенишке, чтобы не попадать под лучи палящего солнца, на что куму было глубоко пофиг.

Их подкупило ещё и то, что Аркаша, имени которого они, впрочем, пока ещё не знали, принял участие в их деле безо всякого энтузиазма, совершенно равнодушно, и временами задумчиво поглядывал куда-то в сторону, как будто бы ждал кого-то, будто бы кого-то выглядывая в толпе, и вообще, большей частью был поглощён какими-то своими мыслями и заботами.

— Оно и к лучшему, — думали бы Наум с Кумом, если бы они умели думать, — по крайней мере не придётся платить ему за услуги, ну может быть и дадим самую малость, да и то в качестве добровольного пожертвования.

А что касается столичной интеллигенции, что да — то да, площадь вокруг планетария буквально кишела ею.

Планетарий, а это был первый планетарий на просторах Дикого Поля, открывшийся около двух недель назад, и, кстати говоря, вскоре подвергшийся серьёзной реконструкции, как раз из-за описываемого здесь казуса, планетарий уже успел стать своего рода культурным центром, он действительно поражал воображение любого заглянувшего в этот район посетителя.

Происходило это отчасти ещё из-за того, что стоявшие поблизости дома естественным образом сливались с пейзажем, с тополями в пыльной и тяжёлой листве, с плавными и естественными как русла речушек извилами улиц, с палисадниками и трогающими до самого сердца резными наличниками, призванными хоть как-то скрасить царящую вокруг нищету и запустение, а новенький планетарий открыто и нагло заявлял о своих претензиях на главенство над патриархальным пейзажем, он как бы указывал безупречно выверенным своим куполом и абсолютно белыми стенами в совершенных пропорциях на холодное как могильная плита и бесстрастное будущее уготованное его архитекторами наверное для всего человеческого рода.

Если мы пристально взглянемся в здание практически любого планетария, мы не обнаружим ничего необычного. К слову сказать, до захвата рынка китайцами, планетарии всего мира производила одна-единственная немецкая фирма. Но если мы взглянемся в здание планетария несколько по другому, с другой, непривычной и предлагаемой здесь точки зрения, то мы с удивлением обнаружим, что здания планетариев спроектированы таким образом, что все они могут достаточно длительное время выдерживать яростный штурм дикой и разъярённой толпы.

Причиной тому и послужило описываемое здесь происшествие, заняло оно, это происшествие, если отбросить предысторию, время меньшее чем требуется для беглого прочтения всей этой истории — не более пятнадцати минут.

А вокруг планетария самым естественным образом сновали туда и сюда целые толпы разнообразнейшего и пёстрого столичного люда.

Аркашка бы совершенно не удивился бы, если бы Наумовский кум, объехав на своей скрипучей телеге планетарий всего один раз, начал бы вдруг оснащать свою речь выражениями вроде «биеннале», «нон-фикшен», или «на голубом глазу», «на полном серьёзе», проехав бы второй, включил бы в свой лексикон выражения «прогрессивная общественность», глядя на часы приговаривал бы:

— Гнусное, гнусное и подлое время!

Или, тоже поглядывая на часы:

— «Доколе! Доколе это будет продолжаться!»

Или белиберду типа: «В социальных сетях интенсивно обсуждают», или «Подонки, какие же они все подонки!» или «эксклюзив», «аутсорсинг» или «нетворкинг», «креатив» и если бы он продолжил своё круговое движение и дальше, как знать, возможно дело дошло бы и до «терраинкогниты» или «инфантирибля».

И, кстати уж говоря, позволим себе немного поумничать, вероятно школьник, получающий по истории и литературе сплошные четвёрки и пятёрки, возьмись он вкратце ознакомится

с этим философским эссе, привлечённый сюда изредка встречающемся в тексте простонародными выражениями типа «жопа», обратил бы внимание на некоторое «смещение времён», на некоторую несурязицу, на это надо ему сказать, этому школьнику, что в высокой литературе такое иногда используется в качестве особого литературного приёма, не говоря уже о последних конвульсиях исторической мысли, это делается иногда из-за недостаточного профессионализма авторов, но главная причина здесь в более современном подходе.

Ведь раньше, и не так уж и давно, в конце прошлого века, считалось, что вот, все вокруг современники, и даже поэт писал, мол, успокойтесь и расслабьтесь...

Все современники... Свои...

И вдруг внезапно выяснилось, что расслабляться пока ещё рановато.

И что множество граждан, живущих в одно и тоже время вовсе не являются друг-другу современниками.

Так например выяснилось, что молодой ещё человек, руководитель крупной ай-ти компании, летящей на самом острие передовых технологий — по психическому строению не кто иной первобытный как охотник за мелкой дичью.

Первобытнейший охотник, на, к примеру, сусликов, вначале выслеживающий добычу, выкуривающий их из своих нор, и затем бегущий за ними с копьём, бегущий по кочкам, с улюлюканьем и свистом, продирающийся сквозь заросли камыша и осоки, необыкновенно азартный и выносливый.

А многочисленная группа старцев и лиц предпенсионного возраста, ни что иное как жрецы или шаманы, они настойчиво призывают идти, и даже не идти, а бежать, бежать в овраг, туда где, по их авторитетному мнению, до сих пор лежит недоеденная их пращурами лошадь.

А внешние приметы, будь то новомодный смартфон, или нагрудный знак члена корреспондента академии наук, почётный знак выдающего учёного, обогатившего науку не менее выдающимися научными трудами, есть не более чем простейшая и бесхитростная маскировка.

И ещё один момент, возвращаясь к планетарию, момент который следует иметь ввиду, это то, что в самом начале своей жизни планетарий был понят основной массой граждан не как учреждение научно-просветительское, а скорее как сооружение культовое.

Впрочем здесь, в Диком Поле, в этом нет ничего удивительного.

Культовое — пожалуй наивысшая оценка, которую здесь можно дать и музею, и театру, и даже отдельно взятому музыканту или художнику, или литератору, в особенности если он напускает на себя задротскую глубокомысленность, а если учреждению, будь то консерватория, или редакция газеты, лаборатория или институт, не удавалось создать вокруг себя флёр культовости, что ж, тоже не беда, по мере роста и развития учреждения, близкие к нему люди, люди знакомые с его внутренней кухней, как только учреждение немного вырастет и окрепнет, тут же начинают, в своём узком кругу, пусть иронически, но называть его «синагогой», — учреждением разумеется культовым, как бы указывая посвящённым на маленький и уютный оазис в бескрайних просторах Поля.

Таким образом планетарий воспринимался многими как храм какой-то новой, невиданной доселе религии, и вокруг этого, немедленно ставшего сакральным места, а «сакральный» в переводе с английского — всего на всего «святой» но в слово «сакральный» жители Поля вкладывали несколько иные смыслы, ведь «святой» — это всего лишь «святой» а «сакральный» не просто святой, а святой исполненный тайным и недоступным для простого смертного смыслом.

Вот и не удивительно, что у планетария целыми днями напролёт толкалась охочая до всевозможных тайн и чудес самая разнообразнейшая столичная публика.

И тут же, вокруг планетария, возник не предусмотренный властями стихийный рынок. Такого рода рынки иногда ещё называют «блошиными».

Это и был большей частью блошинный рынок, но с уклоном и в эзотерическую, и в другие, самые разнообразнейшие тематики, в том числе, как это ни странно, и в морскую.

Этот факт покажется ещё более странным, если учесть, что до ближайшего морского пляжа было без малого около двух тысяч миль.

Но, тем не менее, вместе с хрустальными шарами для медитации, в том виде как её понимают невежды, с особыми блюдцами для проведения спиритических сеансов, тарелками для вызова духов, с чётками самых разнообразнейших форм и конфигураций, на рынке были во множестве представлены приборы для морской навигации, корабельные компасы, карты, барометры и астроблэблэ.

Тут-же на тесёмках болтались инструменты для извлечения самых разнообразнейших звуков, скульптурные фигурки из дерева, глины, кости, талисманы, обереги, вокруг бродили кришнаиты в своих жёлтых и оранжевых чадарах и сари, и, само собой разумеется, место куда непременно устремлялись все культурные люди — в лабиринты книжного рынка...

...Кем-то из очень умных людей написана прекрасная фраза, мол книга не есть причина интеллекта, книга есть его следствие, или, иначе говоря, чтение книг не делает тебя умнее, а вот написание собственной книжонки, напротив... ..впрочем не знаю... ..но один только взгляд, один только беглый взгляд на разложенные нестройными рядами брошюрки, журналки и книжонки повергал в состояние некоторой растерянности.

Боже мой! Да нет таких слов в словаре, чтоб выразить одновременные удивление и ошеломление, охватывающие при одном взгляде на россыпи сокровищ человеческой мысли, представленные на книжных рядах околопланетарной площади.

Разве что призвать на помощь Наумовского кума, да, вот он бы, доведись ему потолкаться лишний часок в здешней толпе, наверняка ввернул что либо учёное, какой-нибудь когнитивный диссонанс, или экзистенциальный кризис.

Приблизим на минутку нашу оптику, и бегло пробежимся по самым верхам, по названиям:

Мадам Папюс — Практическая чёрная и белая магия, «Наглец» Камю, Авдотья Затрапезная — Гадания на кофейных гущах, «История гадов» Д'Арвина, «Книга вымышленных существ» Орхиса, «Наглец без свойств» Музиля, «Смерть наглеца» Манна, «Сравнительная демонология», «Интеллигенция Дикого Поля», «Отрицательная селекция», «Правда и истина — восемь важнейших отличий» (раритетное издание поросшего мхами года), «Десять отличий правды от истины» (Под редакцией профессора Запрудника), «Тридцать восемь отличий правды от истины» (издание переработанное и дополненное), «Сто одиннадцать отличий истины от правды» (Новинка!), «Мученики Правды», «Жертвы Истины»...

...Разумеется были представлены и средства массовой профанации, но более чем скромно: «Столичный беспризорник», «Аргументы VS Факты», «Нищевродская Правда», официальный информационный листок «Истина», и оппозиционерская ей «Новая Правдивая Газета», что же касается поэзии, мы рассмотрим её немного позже, когда Аркашке по ходу повествования потребуется на минутку заглянуть на поэтический пятачок.

Торговля

Пристроив лошадку, Наум с кумом поставили для торговли деревянный складной стульчик и деревянный же ящик, найденный ими прямо здесь, на рынке. Стульчик же, хлипкий как все складные стульчики, был у них усилен приколоченным к ножкам нестрогаными деревянными дощечками, что делало его более основательным, теперь и кум, и Наум могли сидеть на нём без опасения сломать его своей тяжестью.

Но они не спешили садиться, неторопливо прохаживаясь около, осваиваясь на новом месте, что ж, день можно сказать потерял, перебираться на сельскохозяйственный рынок было уже поздно, это уж завтра — думали бы они, если б умели думать, — что ж, по крайней мере мы теперь как бы при деле, на законном своём месте, а не маемся без толку, не зная куда себя девать от смущения и сознания своей неуместности, никчемности и невостребованности.

Аркашка кажется уже совсем потерял интерес к Науму с кумом, и тоже прогуливался неподалёку, размышляя о чём-то о своём, и когда он очередной раз поравнялся с Наумом, Наум неуверенно сказал ему указывая на лежащие на телеге мешки:

– Сто рублей! — сто рублей мешок!

– А, не, не, вы стаканами торгуйте — сказал им Аркашка отвлекаясь от своих мыслей, — стакан-то у вас есть наверно?

– Уж что что, а стакан-то у нас есть — оскаливаясь отвечал плохо побритый Наумовский кум, и оба они сняли с воза мешок, поставили его перед стульчиком и ящиком, развязали, аккуратно закатав края, а сверху поставили стандартный гранёный стакан, предварительно насыпав в него горку овса.

Аркашка сделав полуоборот на каблуке (у тапочка, как ни странно, тоже есть каблук, хоть и совершенно незаметный) поворачиваясь к публике, вытянул вверх и вбок руку и торжественно провозгласил:

– Овёс недорого!

– Рупь стакан!

Буфер обмена у Наума, давно уже бал готов переполниться, и в этот момент он наконец переполнился, и Наум на минутку впал в ступор, пытаясь прикинуть, сколько же стаканов в мешке?

Триста? Семьсот? Тысяча?

Сколько стаканов удастся продать?

Восемь? Четыре? Два?

Но прохожие конечно же не торопились покупать совершенно ненужный им овёс и равнодушно проходили мимо, хотя следует заметить, что и рядом, у продавцов других, самых разнообразнейших товаров дела тоже шли не самым лучшим образом.

Это была скорее выставка, а не магазин или рынок, и поэтому Наум с кумом были вполне довольны новым своим положением, полученным благодаря подсказкам Аркашки, который теперь прохаживался мимо них туда-сюда, задумчиво поглядывая то на стоящую у стены лошадку, то на стену планетария, то куда-то вверх, на купол.

Поравнявшись очередной раз с Наумом он вдруг уставился на мешок, подняв вверх указательный палец, замер так на несколько секунд, и сообщил Науму, что им ещё не хватает бумаги, бумаги для пакетиков, чтобы покупатели могли насыпать в них овёс, и предложил Науму пойти купить старых газет или журналов на пяточке где торгуют книжками.

Они обогнули первый ряд, ближайший к площади, где лежали дорогие книги в твёрдых обложках, дополнительно обёрнутые ещё и в гляцевые суперобложки, прошли мимо барда с гитарой, поющего себе под нос что-то едва слышное, перед ним почему-то лежал футляр не от гитары, а от скрипки, с брошенными туда несколькими разного достоинства купюрами

и мелочью, но нетрудно было догадаться, что это он сам их туда и бросил, с целью вызвать подобие цепной реакции, и прошли ещё дальше, к группе из человек двенадцати образовавшей полукруг центром которого была девушка читающая длинное стихотворение, или даже поэму, читала она почти наизусть, лишь изредка заглядывая в листки бумаги которые она держала перед собой:

*Нам под знётом гробов-городов уготовлено грозно другое,
и гормоны горя, с гомоном галок летят в гордеца и изгоя,
и угодив на погост, прахом прогорклым удобрим мы Дикое Поле
нагое...
лишь превращаясь в компост, мы становимся сами собою...
где-то, в глубинах, в горах перегноя,
в первоосновах, где огненное и дорогое...*

— Ого! — подумал Аркашка, бывший в поэзии, как говорится, ни в зуб ногой, но тем не менее огорошенный обилием фрикативных «г» — Не иначе как Гандельсман!

— Отчего-же всё на «г»? — обратился Аркадий с вопросом к стоявшему неподалёку продавцу, пятидесятилетнему делового вида мужичку.

— Погряз в догадках!

Но ответил Аркадию не продавец, а стоящий рядом с ним молодой парнишка, по всей видимости не совсем трезвый:

— Ну понимаете, вот к примеру у художников, у них бывают периоды по цветам — жёлтый период, красный, синий, а у нас, у поэтов, у нас по буквам, вот послушайте:

И парень завыл:

— Ой, октябрь, из пригоршни-и-и
меня накорми-и-и
и иргою, и горше...

...плодами рябин... ..или вот: — Город горклое пожирай! Ор вороний и галчий гай!
— и потом пошёл переход сначала на букву «п» и потом на «б»...

— А вот Сашка, или Оська — парень ткнул пальцем в обложки прославленных классиков, называя их с предельной фамильярностью, вот те показывали высший класс, гласные нагнетали, с согласными любой сможет, а вот с гласными...

— Что ты бредишь, дурак! — перебил полупьяного парня другой, много моложе, но с невероятно широкой и пышной бородой.

И если на минутку остановиться и задуматься о причинах того, что борода выглядит на нём действительно как-то странно, даже как-то парадоксально, после некоторого раздумья причина становилась ясна — чтобы занять такую бороду парню надо было отращивать её начиная лет с пяти, что разумеется совершенно невозможно.

— Классики совершенно свободно оперировали и гласными, и согласными!

— Классики ещё смысл вкладывали — вставил свою реплику делового вида мужичок.

На что первый парень, тот, не совсем трезвый, отмахиваясь от пятидесятилетнего как от безнадёжного дурака, заговорил торопливо и сбивчиво, заметно волнуясь:

— Друзья, позвольте я вам объясню, что я открыл, на личном опыте, вот значит читаю я список песен знаменитого нашего барда, струны на гитаре перебираю, и читаю.

И вот дохожу до строчки «Ещё не вечер». Я ещё этой песни не слышал, и думаю, интересно, что-же у него там дальше, думаю наверно там так: «Ещё не вечер, мама, ещё не вечер»...

...И что же вы думаете...

...Слушаю я потом эту песню, когда впервые услышал, первые слова, думаю, ага, с'час будет, «Ещё не вечер, мама, ещё не вечер...» а там, бля, не «мама», там «капитан!», «капитан!», «ка-пи-тан!»

Не «мама» бля, а «ка-пи-тан»!!!

Между Аркадием и Наумом протиснулись несколько новых зрителей, и Аркадию подумалось, что приди он к прилавку с поэзией несколько позже, в эту самую минуту, то ни секунды бы не сомневался что наблюдает обычный у поэтов приступ безумия или белой горячки, но так он сам в какой-то мере был родоначальником диспута, его охватило тщеславное удовольствие от сознания причастности и понимания таинственной сути поэзии.

– И как начал я, братцы тут писать — продолжал не совсем трезвый парень, как начал, жена бухает с соседом, детишки голодные, денег нет, а я как начал строчить, после нескольких «е» обязательно должны идти несколько «а», чем больше тем лучше, у меня два в «мама» а в «капитане» три!

– Вот выведенный мной гармонический закон!

– А перед «е» должно идти, конечно же «у»!

– Вот вслушайтесь:

– Седьмой сундук!!

– Седьмой сундук!! — Сундук ещё не полный!!!

– Шестой сундук! — наставническим тоном поправил оратора бородатый юноша.

– Седьмой! — упорствовал оратор.

– Шестой! — настаивал на своём бородатый, беря с прилавка книжку классика, чтоб привести доказательства своей правоты.

– Вас какая поэзия интересует, классическая или современная? — спросил Наума пятидесятилетний, делового вида мужичок.

– Мне всё равно, мне овёс заворачивать! — отвечал Наум, но и в их разговор встрял беспокойный поэт:

– Послал в редакцию я шесть стихов про осень!..

– А из редакции мне их вернули восемь!

И шлёпнул о прилавок стопкой книжек в мягкой обложке, стопку коллективных сборников стихов на самой дешёвой бумаге.

Пятидесятилетней делового вида мужичок, прибавил к стопке ещё каких-то стихотворных брошюрок, и Наум, расплатившись несколькими рублями и медными монетами стал обладателем толстенной стопки книжек.

А с Аркашей в эти самые минуты свершалась совершенно незаметная глазу, но чрезвычайно важная перемена, «кетма одиноко гуляющего человека» сменилась у него «кетмой горящих мостов», если тема интересна, полный список кетм можно найти здесь же, на рынке, он рядом со терминологическим словарём мадам Лаватской, в разделе где книги по астрологии и эзотерике.

– В гору торговля дорогой пойдёт дорогою... — вдруг забормотал Аркашка, подхватывая у Наума готовую выпасть у него из-под подмышки стопку печатной продукции.

— *В гору торговля дорогой пойдёт...*

...Дорогою ценою! ...И деньги горою...

...Грянув, на смену грядут геморрою...

И, тут-же спохватившись, заметил уже своим нормальным голосом — тыфу ты чёрт, прилипчивая какая хрень, поэзия эта, как же теперь отвязаться от этой хренотени?

– Мне тут мужички сказали, это которые санками торгуют, ну, лыжами там, коньками там, мол, не пойдёт у нас торговля — поделился Наум с Аркашкой своими опасениями.

— *Ждёт их прогорклое, горькое, гнойное горе!*

Продекламировал в ответ Аркашка, и Наум подумал что Аркашка окончательно испортился.

— *Горе когорте глаголющих гнусно другое!*

Вот здесь бы и прозвенеть в голове Науму первому тревожному звоночку. Первому сигналу о том что торговля овсом под руководством Аркадия пройдёт не совсем гладко и окончится небывалым конфузом.

Впрочем жанр данного произведения не предполагает никакой интриги, это не более чем философское эссе, поэтому следует сразу же сказать, что для Наума с его кумом всё окончилось благополучно, более того, впоследствии, в результате многолетней торговли овсом у планетария, по своим деревенским меркам они с кумом стали сказочно богаты, хотя по меркам столицы это разумеется просто пыль, не более чем пыль.

Хотя один неприятный и даже опасный момент всё же случился, но длился те более нескольких минут, и ради будущего благосостояния его можно было и перетерпеть.

— А давай-ка с'час пройдёмся вот там, где художники, мне нужно немного развеяться — предложил Аркашка — заодно и на картины посмотрим!

С десяток художников, выставивших на продажу свои картины, являли собой полную противоположность горластому кружку литераторов, и если вдруг кто-либо из прохожих интересовался ценой картины, то непросто было ему добиться ясного от них ответа.

Много времени требовалось художнику что бы осмыслить вопрос, понять что же от него хотят. А когда взгляд его наконец приобретал осмысленность, следовала продолжительная пауза, потом раздавалось бормотание междометий, и наконец, после ещё одной небольшой, но полной колебаний и нерешительности паузы, следовала пауза полная нравственных мучений и невыразимой тоски, и только после этого художник наконец решался огласить цену своей картины.

Кроме того наиболее удачные свои работы опытный художник старается отодвинуть куда-нибудь подальше, куда-нибудь на задний план, так как по опыту знает, что самая лучшая, самая удачная и дорогая его сердцу работа будет куплена самой первой, даже если публика сплошь состоит из самых нетребовательных и мало чего понимающих в живописи граждан.

Это так называемый эффект варвара, старинное поверье, состоящее в том, что если в картинную галерею запустить дикаря, то он бегло осмотрев картины, обязательно надолго замрёт перед общепризнанным шедевром, так что настоящие знатоки и ценители искусства, зная эту наивную хитрость, сразу же идут к произведению упрятанному куда-нибудь в самый дальний закуток. И найдя действительно стоящую работу, старается не спускать уж с неё глаз, и покупку не откладывать, так как художник, не будь дурак, обязательно постарается подменить её наспех намалёванной копией.

И, раз уж речь зашла об отличиях, идеология художников, в отличие от бредовой и путанной идеологии деятелей литературного фронта, ясна и кристальна чиста, чиста как огранённый алмаз, разумеется до тех пор пока литераторы не сунут и туда свои наглые носы, и не наплодят всяческих измов.

Художник — это просто образ жизни, его картина, что чрезвычайно важно, вовсе не должна претендовать на звание произведение искусства, а большая часть претензий в недостатках и огрехах легко пресекается фразой «художник так видит».

Хотя, чтобы закончить с абстрактными рассуждениями, и перейти наконец к описанию необычного происшествия, случившемуся в этот ясный летний денёк в планетарии, следует заметить, что внутренняя иерархия поэтов по своему чрезвычайно любопытна. Именно внутренняя, а не та о которой сообщают наивному читателю или слушателю лекторы, искусствоведы, филологи etc.

Иерархия поэтов целиком и полностью состоит из отрицательных величин и венчается нулём. Если бы речь шла о мастеровом-ремесленнике, например сапожнике или столяре, то его творческий путь можно уложить в примерно такую вот иерархию оценок:

«криворукий», «неопытный», «неумелый», «подмастерье», и затем: «опытный», «мастер», «мастер супер класса».

У поэтов, будь они столярами, она бы закончилась на «подмастерье», дальше никаких поощрительных и хвалебных определений нет.

Никакого «гамбургского счёта» разумеется не существует в природе, это пустая трескотня полупокеров, ничего этого просто нет. Этого детского и бессмысленного спора о том кто сильнее кит или слон, просто не может быть в высоком искусстве стихосложения, это просто такая особая форма гипноза.

Разумеется художники, или артисты, или музыканты, конфликтуют между собой не менее литераторов, но дело в том что для художника «мазила», или «косоглазый» не более чем бытовые ругательства, а у писателей, намного более обидное определение «графоман» означающее психическое заболевание, чрезвычайно плодового идиота, излагающего, по странному капризу, или по причине того же идиотизма, не устно а письменно, это обидное выражение является не бытовым ругательством, а вполне официальным определением и даже литературным термином.

Но беглый осмотр произведений, выставленных на продажу в престижнейшем месте, да ещё и с большим людским потом, огорчал и обескураживал.

Как будто бы художники, вооружённые совершенной идеологией, выбравшие для себя прекрасный образ жизни, свободный и мудрый, всеми силами устремились вдруг в соседний лагерь, к литераторам, существам вздорным, поверхностным, тщеславным, и склонным к сиюминутным увлечениям.

Какая-то суетливость сквозила в их работах, какая-то чрезмерность. Ведь задуманного нужно достигать минимальными средствами, лёгкими штрихами, иначе это уж не попытка искусства, удачная или нет, а полное непонимание самого предмета искусства.

Некоторые, и упаси нас боже смеяться над творческими экспериментами, но некоторые даже посыпали речную волну мелко истолчённым стеклом, для пушного эффекта, стремясь вот таким вот средством предать завораживающий блеск и игривость волны, а некоторые, вероятно отчаявшись и надеясь на снисхождение публики, вдруг объявляли себя не просто художниками, а художниками божественными, в смысле окунувшимися с головой в религиозную тематику.

Вот где начинался настоящий ад!

Ну, казалось бы нарисовал ты культовое сооружение, церковь.

Прекрасно!

Ведь церковь возвышается над остальными зданиями, над ресторанами, ангарами, складами, театрами, кафе, магазинами или офисами, как поэт над остальными гражданами, над менеджерами, водителями, продавцами, полицейскими, возвышается абсолютной своей практической ненужностью, отсутствием хоть какого-нибудь материального смысла.

Ведь возле церкви должно царить запустение, разве нет?

Поросшие мхом ступени, облака казалось бы замедлившие свой полёт над куполами, а рядом, на поросших мхом ступенях, неплохо было бы разместить странников, в лохмотьях развеивающихся на семи ветрах, конечно лохмотья можно немного осовременить, тогда вместо рубища можно подобрать что-либо из ассортимента, например, магазина «Спортмастер».

И казалось бы, нарисовал ты церковь, и пора бы на этом и успокоиться, но художник впадает в творческий экстаз, и не может уже остановиться, и рисует ещё и голубя с оливковой ветвью в клюве, несущего благую весть, и затем, обнаружив что на картине осталось ещё свободное место размещает там призрачное видение, мираж из религиозных символов.

Учитывать рамку — тяжкий грех, один из семи смертных грехов художника.

Но все как один художники, представившие образцы своего искусства на припланетарной площади, учитывали рамку. Это тем более странно, так как кадрирование — пожалуй единственная в живописи манипуляция, которая легче и проще чем в искусстве фотографии.

Конечно зритель, взглянувшей на картину под именно этим прицелом, сразу же бы открыл для себя, что учитывает рамку не сам художник а нарисованные им предметы или персонажи.

К примеру злодей, поражённый копьём всадника, всадник, вместе с конём и плащом развевающийся над ними, были прекраснейшем образом скопированы, и образовывали завораживающей красоты силуэт кочующий из картины в картину, но поражённый копьём злодей откровенно учитывал рамку.

И вместо того чтобы естественным образом распластаться на земле, он, как-будто бы понимая что сзади у него уже рамка, он, изо всех сил скрючившись отчаянно вытягивал шею, и гримаса на его лице, больше необходимого повернутом к зрителям, вопреки замыслу художника выражало не злобу, а удивление.

Обычно в школьных сочинениях принято отвечать на вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.